

⁶⁵ Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма. М., 1954. С. 119.

⁶⁶ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 57; ГАРФ. Ф. 102. 1905. Д. 9. Ч. 2. Л. 31; Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 387, 398.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 4. Л. 290, 304, 310.

⁶⁸ Особенно после теракта 6 августа 1906 г. на даче премьер-министра П. А. Столыпина. Среди убитых и раненых было более 50 человек охраны и посетителей премьера.

УДК 94 (47). 083

ЗАЩИТА А. Н. ПОТРЕСОВЫМ И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМИ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В АВГУСТЕ 1917 ГОДА

Э. В. Костяев

Саратовский государственный технический университет
E-mail: edikost@bk.ru

В статье проводится детальный анализ занятой после Февральской революции одним из лидеров меньшевизма Потресовым и его единомышленниками «двуединой» позиции в отношении Первой мировой войны. Она сочетала необходимость участия российского пролетариата в организации обороны страны от внешнего врага с борьбой за заключение справедливого демократического мира и нашла своё яркое выражение в дни Объединительного съезда РСДРП и корниловщины.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская социал-демократия, меньшевизм, патриотизм, оборончество.

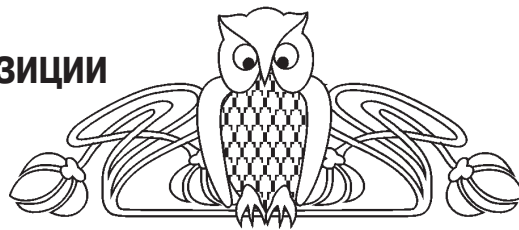
The Protection of A. N. Potresov and his Adherents of Their Position Concerning the First World War in August, 1917

E. V. Kostyaev

The author of this article study a «two-uniform» position concerning the First World War of the one of leaders of Menshevism A. Potresov and his adherents which they had after February Revolution. This position combined a necessity of participation of the Russian Workers for the organization of national defense from the external enemy and a struggle for the conclusion of the just democratic peace. It has found the bright expression during the Unification Congress of Russian Social Democracy and the Kornilov's action.

Key words: First World War, Russian Social Democracy, Menshevism, patriotism, defensism.

Политическая деятельность одного из выдающихся меньшевистских лидеров Александра Потресова освещена в историографии незаслуженно меньше деятельности тех, кто вместе с ним стоял у истоков Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Слабо проанализирована и его позиция в августе 1917 г., хотя период этот был важнейшим для партии (Объединительный съезд РСДРП) и переломным для страны, поскольку в последние дни лета Россия находилась на пороге гражданской войны (корниловщина). Однако, к примеру, в статьях И. Розенталя лишь говорится, что на Объединительном съезде Потресов защищал коалицию с буржуазией, а о сути его позиции по отношению к Первой мировой

войне нет ни слова¹. С. Тютюкин упоминает, что на съезде Потресов в докладе о текущем моменте достаточно чётко сформулировал, что одной из главных задач социал-демократии и пролетариата была защита России от внешнего врага, но не характеризует подробно высказанное докладчиком на съезде отношении к войне на тогдашнем её этапе и к принятой съездом резолюции по вопросу о войне и мире². Об отношении Потресова и его сторонников к корниловщине в указанных работах Розенталя и Тютюкина вообще не говорится. Не упоминается об этом и в написанном А. Ненароковым документально-историческом очерке, включающем описание отношения меньшевиков к «августовскому путчу генерала Корнилова»³.

Летом 1917 г. РСДРП готовилась к намеченному на август съезду, основным вопросом которого должны были стать предстоявшие выборы в Учредительное собрание. На заседании 21 июня 1917 г. Организационный комитет (ОК) РСДРП (меньшевиков) постановил приступить к созыву съезда и избрал для этого Организационную комиссию в составе Б. Батурского (Цейтлина), С. Ежова (Цедербаума), К. Ермолаева, В. Крохмалю и М. Панина (Макадзюба) с включением в неё представителей Комитета Петроградской организации, Кавказского областного комитета, национальных организаций, Московской объединённой организации и избранного 18 июня под председательством Г. Линдова (Лейтейзена) Бюро по созыву объединённого съезда⁴.

4 июля в «Рабочей газете» было опубликовано обращение ОК РСДРП (м) «Объединение социал-демократической партии», в котором указывалось, что накануне избирательной кампании в Учредительное Собрание вопрос о преодолении организационной слабости и создании сплочённой партии встал ребром и не терпел более отлагательства: «В Учредительном Собрании встанут во весь рост все острые вопросы, выдвинутые революцией, и состав его... преопределит исход её, – говорилось в обращении. – Удастся ли и в какой степени удастся социал-демократии закрепить во время выборов свою связь с пролетарскими мас-

сами и с примыкающими к ним широкими слоями демократии, от этого зависит не только влияние пролетариата в Учредительном Собрании, но и ближайшие судьбы социалистического движения в России». Чтобы эта задача была разрешена удовлетворительно, социал-демократия должна была выступить на выборах как единая и организованная партия. Имевший громадное значение для судьбы российской революции вопрос, возможно ли было в тот момент создание единой партии пролетариата, и предстояло разрешить съезду. То, что в нём не собирались участвовать большевики, не смущало его организаторов: «Если Ленин и его единомышленники, – отмечалось в документе, – не могут найти себе места в рядах единой социал-демократической партии, то организованный социал-демократический пролетариат объединится помимо них». Они не сомневались, что здоровые элементы рабочего движения, вопреки Ленину и помимо него, встанут на путь единства социал-демократической партии и своим авторитетом поддержат инициативу созыва объединительного съезда, открытого для всех членов партии без различия их фракционных взглядов: «Для всех, будь то большевики, меньшевики, объединенцы, оборонцы или интернационалисты, для всех, желающих создания у нас единой партии, – подчёркивалось в обращении, – открыта возможность явиться на съезд, ...совместными усилиями, как подбаивает членом одной партии, выработать Программу её деятельности и наметить её очередные задачи и тактические шаги»⁵.

В дни подготовки съезда многие партийные деятели не скрывали скептицизма по поводу его объединительных перспектив. Так, основатель российской социал-демократии Г. Плеханов в статьях того времени само слово «объединительный» непременно брал в кавычки, подчеркнув в газете «Единство» от 4 августа 1917 г., что сам съезд, «недостаточно обдуманно созданный в настоящее время, не даст ничего, «кроме неумело сколоченного колеса, от которого очень скоро останутся только спицы»⁶. И даже в редакционной статье органа ОК РСДРП «Рабочей газеты» «К Объединительному съезду», вышедшей за день до его открытия, признавалось, что созывался съезд «при дурных предзнаменованиях» и «без достаточной уверенности, что это «объединение» не приведёт к расколу»⁷.

Солидаризировался с приведёнными суждениями и Потресов в статье «К вопросу об объединении партии», опубликованной в газете «День» от 3 августа 1917 г. Он отмечал, что было бы оправданно и жизнеспособно только такое объединение, которое имело бы результатом достижение партийного «единства в действии». А вопрос о том, существовало ли тогда в российской социал-демократии такое единство, являлся, по мнению Потресова, центральным вопросом партийного бытия, который «надо поставить ребром со всем мужеством, подобающим революции, в

которую мы живём, вместо того, чтобы его обходить...». Необходимо было поставить потому, что меньшевизм тогда был разделён на течения и, формально единый, представлял собой конгломерат друг с другом органически не связанных частей: «Перед нами, – писал Александр Николаевич, – и в пределах меньшевизма все цвета радуги: от близкого к большевизму циммервальдийского интернационализма через так называемое революционное оборончество разных оттенков... к оборончеству чистой воды»⁸.

Совместимо ли, задавался вопросом он, сожителство этих течений друг с другом и могла ли их комбинация дать то «единство в действии», которое необходимо для правильного функционирования партии? Прежде, чем ответить на вопрос, Потресов считал необходимым честно признать, в каком состоянии пребывала тогда меньшевистская социал-демократия: «Ведь только слепой может не видеть, – подчёркивал он, – что наша партия сейчас не живёт, а прозябает, что её, как таковой, как организации, как целостной индивидуальности нет на поверхности жизни, нет как застрельщика в политике и революционной демократии, как передового борца революции, который, забегая вперёд, тащит за собой других и указывает путь, по которому предстоит идти и по которому действительно идут. Меньшевистская социал-демократия, как партия, как организация, это не авангард, это... арьергард демократии, та наиболее малоподвижная, тяжёлая на подъём её часть, которая плетётся вместе с обозами революции, попадая всегда слишком поздно, когда решение уже принято, и когда ей всякий раз остаётся лишь санкционировать совершившийся факт...». Особенно разительно убожество партийной политики бросалось в глаза на фоне деятельности Советов и, в частности, их меньшевистской части: «В этой советской деятельности, – признавал Потресов, – далеко не всё обстоит, как следует: в ней есть крупные промахи, ошибки намеченного направления действия. Но рядом с ошибками есть дерзание, есть заслуги революционного творчества, есть ответственные шаги, предпринятые в критическую минуту. Словом, есть плюсы и минусы, и в общем итоге больше плюсов, чем минусов, и баланс даёт величину положительную. Но чисто партийный баланс – это нуль, или хуже нуля, это нечто несравнимое с балансом советского меньшевизма, нечто, что должно наводить на самые серьёзные размышления»⁹.

Свою жизнеспособность меньшевизм проявлял тогда только вне партийных пределов потому, полагал Александр Николаевич, что внутри них он «до сих пор находил не единство в действии, а единство в бездействии, – в то время, как за границами партии он, даже и блокируясь с другими демократическими партиями, от этого сочетания с ними не был обрекаем на бездействие, не оказывался в положении связанного по рукам и по ногам»: «В меньшевистской партии, – писал он

далее, – её оборонческая и так называемая интернационалистская части достигли... изумительных результатов во взаимной нейтрализации друг друга: всё существенное, всё характерное для каждой из них они добросовестно и аккуратно друг у друга съели. Не удивительно, что в результате получилась политика выеденного яйца, – никому не нужная и всем надоевшая, стоящая в вопиющем противоречии с революционным моментом, который требует действия и действия во что бы то ни стало, который не выносит неопределённости и казнит всё межеумочное...»¹⁰.

Вывод из сказанного виделся Потресову вполне очевидным, поскольку он был убеждён, что «в наше подвижное, революционное время, когда события не ждут и призывают к немедленному действию... допустимы – безразлично, в партийных рамках или вне их – только... сожительства таких направлений, которые совпадают в своих ближайших практических целях, которые одинаково понимают в общем и целом предстоящую им очередную задачу и могут наметить общий план. Даже если они принципиально глубоко различаются между собой, они могут идти рука об руку, как это наглядно в ряде случаев показали народнические и социал-демократические фракции Совета». И, наоборот, при казавшейся тождественности основных теоретических предпосылок марксизма, «дело совместной работы безнадежно, раз отсутствует общность платформы, раз направления так глубоко противоречат друг другу, как противоречат друг другу оборончество и циммервальдийский интернационализм»: «Их невозможно объединить в единстве действия, – приходил к неутешительному заключению Александр Николаевич. – Их можно было до сих пор объединить лишь в единстве бездействия»¹¹. Дальнейший ход событий лишь подтвердил это его заключение.

В первый же день работы Объединительного съезда РСДРП, 19 августа 1917 г., Потресов выступил с докладом о текущем моменте. Он заявил, что после победы Февральской революции та национальная задача, которая способна объединить общие усилия буржуазии и пролетариата, не была до конца решена, поскольку, свергнув царизм, революция не могла в условиях продолжавшейся мировой войны мгновенно поставить страну на ноги, ибо происходила «в стране, которая по наклонной плоскости катится в какую-то пропасть», катится потому, что войной Россия была крайне разорена и перед ней стояли поэтому «колоссальные, гигантские, невероятные задачи государственного, хозяйственного и всякого другого строительства»: «Дело в том, – говорил Потресов, – что революция, которую мы сейчас переживаем, происходит в процессе неоконченной трёхлетней войны, в процессе мирового потрясения, революция происходит в стране отсталого капиталистического развития... и это есть центральный момент, который нужно нам учесть, это есть то, благодаря чему

мы можем сказать: нет, роль буржуазии, когда национальная задача, которая стоит перед Россией и перед всеми классами, сейчас во весь свой рост встала и стоит перед нами, не кончилась тогда, в дни свержения царизма...»¹².

Ввиду того что страна шла «навстречу колоссальному банкротству, в России мы несомненно накануне всеобщего обнищания, в России мы накануне того, что она превратится в какой-то осколок, воспоминание от страны, куда-то рвавшейся, к чему-то стремившейся, страны, которая может превратиться в колонию какого-то другого государства или комплексии государств, но перестанет существовать как самостоятельное целое», перед российской социал-демократией, отмечал Потресов, стояли тогда специфические задачи. Он напоминал, что партия пролетариата с точки зрения марксизма, будучи самой революционной партией по отношению к капиталистическому строю и партией наиболее антагонистического по отношению к капитализму класса, являлась в то же время партией, для которой «как воздух для людей и всякого живого существа нужнее развивающееся общественное хозяйство, растущие производительные силы; нет этих производительных сил – исчезает основа... социал-демократии»: «Вот почему в этот момент, – говорил Александр Николаевич, – когда жизнь посягает на эту основу... всякого с[оциал]-демократического развития... с [оциал]-д [емократия] обязана больше, чем какой-либо другой класс, во имя своих конечных интересов... потому, что она есть партия совершенного капиталистического развития... взять на себя задачу поддержания этого развития, заботу о предупреждении катастрофы, которая вырвет почву из-под её ног. В этом смысле нет момента, который возлагал бы больше тягот на с [оциал]-д [емократию], чем момент, переживаемый нами. Именно теперь партия пролетариата должна вспомнить о том, что она в этом смысле есть партия развития, партия государственная, что в этой заботе о государственности лежит её первейший классовый интерес...»¹³.

Такая характеристика Потресовым экономического положения тогдашней России имела под собой основания. Ещё за месяц до открытия Объединительного съезда РСДРП заведующий Экономическим отделом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов меньшевик Липкин сказал: «Снабжение страны продовольствием с каждым днём становится всё хуже. Поставка хлеба уменьшается. Впереди вырисовывается голод. А если это случится, нас ожидает участь старого режима»¹⁴. Цены с февраля по июнь 1917 г. выросли на 50%, а с июля по октябрь – в 2–3 раза и более¹⁵. Министр торговли и промышленности Временного правительства Прокопович на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. говорил: «Положение страны в продовольственном отношении является в настоящее время очень тяжёлым. Основным про-

дуктом питания – хлебом – население во многих местах не обеспечено. Петроград и Москва всё время получают уменьшенный паёк – $\frac{3}{4}$ фунта хлеба на душу. ... Война нам стоит колоссально дорого. ... приходится отдавать около 40–50% народного дохода на войну. Масса товаров, масса тех материальных благ, которыми жило население, оттекает на войну...»¹⁶.

Характеризуя экономическое состояние страны к началу августа 1917 г., «Известия ВЦИК» писали о невероятной финансовой неурядице, когда государственный долг поднялся до 60 млрд руб., о стремительном падении курса рубля и бешеной скачке дороговизны. Газета отмечала, что городская промышленность набивала карманы предпринимателей, ничего не давая широким слоям населения, особенно крестьянам. Деревня не получала ни гвоздей, ни ситца, ни керосина, ни спичек, ни сахара. Поэтому, по мнению газеты, деревня не поставляла в город хлеба, масла, мяса и молока. В статье констатировалось изнашивание машин и падение производительности труда на предприятиях, разрушение железных дорог, приходивших в негодность. Газета приходила к выводу, что вся хозяйственная жизнь «поражена тяжёлым злокачественным недугом, а экономическая анархия и разложение порождают такие же политические процессы»¹⁷.

Всё это диктовало социал-демократии, говорил Потресов на съезде, её основные задачи «спасения страны, поддержания и укрепления государственно-общественного хозяйства, – и тут у неё общие задачи с буржуазией»: «В этот момент, – уверял он, – мы не можем скинуть со счетов нашего естественного союзника, данного нам историей. Ибо и для буржуазии разрешение указанных задач, меры, предупреждающие распад государства, есть предпосылка её существования». Большого значения империалистическим вкусам российской буржуазии Потресов не придавал потому же, почему не придавал такого значения «империалистическим вкусам турецкой буржуазии и вообще империалистическим вкусам буржуазии той страны, которая пока что имеет все шансы обратиться не в субъект империалистической политики, а в объект её». Он считал очевидным, что «сейчас ни о каких константинопольских программах российским империалистам и Милюкову... говорить не приходится. Ещё в марте месяце Гучков, трезвый политик, говорил: “Ах, я готов идти на мир без аннексий и контрибуций, потому что всё равно Константинополя нам не выдать”»¹⁸.

Если сбросить со счетов буржуазию, задавался вопросом Потресов, то какими силами думали оперировать один из лидеров меньшевиков-«интернационалистов» Ю. Мартов (Цедербаум), заявивший на съезде, что роль буржуазии в революции уже сыграна, и его единомышленники? Мелкой буржуазией? «Но если пролетариат в России, – говорил Александр Николаевич, – об-

ременён плохой наследственностью царизма, то не было ещё страны, где бы мелкая буржуазия и крестьянство отличались такой аморфностью, как у нас. Мелкая буржуазия выдвинула бесконечно мало творческих сил. Возьмите Советы. Мы видим там в качестве представителей крестьянства всплывшую на поверхность интеллигенцию, но мы ещё не видели подлинного лица крестьянских масс. В процессе укрепления и развития производительных сил страны и в ходе революции мелкая буржуазия является весьма ненадёжным союзником пролетариата. Если бы мы могли ждать десятки лет, если бы нам не угрожало катастрофическое развитие, может быть, у нас бы и развилась настоящая солидная крестьянская партия. Но сейчас у нас есть только гигантский с [оциал]-р[еволюционерский] нуль, который грозит превратиться в большинство Учредительного Собрания. Поэтому нам приходится судорожно искать союза с буржуазией, потому что кривая мелкой буржуазии нас не вывезет, она меньше всего способна осуществлять те творческие задачи, которые сейчас стоят перед партией пролетариата»¹⁹.

Перед пролетариатом и его партией – РСДРП – стояла тогда «задача государственного строительства», говорил в заключение речи Потресов: «Надо, чтобы партия выдвинула своим первым лозунгом эту творческую задачу, ... чтобы пролетариат принял первейшее участие в организации... обороны страны. И поскольку пролетариат будет принимать в этом участие, постольку лозунг этот не останется лозунгом кружков, а пойдёт в массы, поскольку лозунг этот оживит массы, постольку станет очевидным, что буржуазия должна принести все те жертвы, которые требуются этой национальной задачей – только тогда мы сможем её к этому привлечь силой пролетарского давления». Основной общенациональной проблемой он считал тогда необходимость защиты страны и усиления её обороны: «Конечно, – считал нужным добавить Потресов, – эту задачу следует выполнять, всегда памятуя и агитируя за тот демократический мир, который не приемлет буржуазия, всегда заявляя о том, что мы с такими мечтаниями, которые ещё, может быть, имеются до сих пор у буржуазии, несмотря на всё плачевное состояние России, будем всегда бороться, особенно когда это станет на очередь. Сейчас на очереди не это, сейчас пред нами стоит непосредственная задача предотвращения военного разгрома России, теперь надо увеличить оборону страны»²⁰.

В резолюции, предложенной на съезде по докладу Потресова, говорилось также, что, отстаивая интересы государственного целого, пролетариат обязан был принять на себя и «активное участие во власти, которая возьмёт в свои руки реализацию этого решения». Такая власть должна была быть концентрацией «сил пролетариата, крестьянства и передовых элементов буржуазии». Только при таких условиях, гласила резолюция, было возможно «осуществление общенациональ-

ной задачи и реализация очередной программы работ этой коалиционной власти, программы, распадающейся на две основные, друг [с] другом связанные части: а) оборона страны, требующая создания боеспособной армии, которая, противопоставляя свою мощь натиску врага и побеждая, могла бы приблизить возможность осуществления того демократического мира, к которому стремится демократия всех стран, б) организация хозяйственных сил страны, требующая создания государственного аппарата, который мог бы, мобилизуя все хозяйственные силы государства и принимая самые героические меры, осуществить план поднятия, укрепления и развития производительных сил России...»²¹.

Объединительная задача съезда, по мнению одного из тогдашних единомышленников Потресова, его коллеги по редакции «Дня» и члена ЦК Бунда Давида Заславского, высказанному в конце августа в № 3 журнала «Голос Бунда» за 1917 г., свелась к тому, чтобы объединить «“интернационалистов” чистой воды с центром меньшевистской партии и с “оборонцами” потресовского толка, или переводя все течения на лица – объединить Мартова, Церетели и Потресова. С формальной стороны такое объединение совершилось»²². При этом Заславский делал оговорку о показательности прений по вопросу о выборах в ЦК РСДРП в том отношении, что старая фракционная психология не была изжита и, наоборот, получила новую пищу: «И надо быть оптимистом не в меру, – замечал он, – чтобы видеть в избранном Центральном Комитете олицетворение партийного единства». Съезд «санкционировал ту “двуединую” политику обороны страны и борьбы за мир, теоретическое обоснование которой наиболее полно дано было в речи А. Н. Потресова. Но двуединство партии, компромисс между крайними крыльями, – подчёркивал Заславский, – куплен был ценой урезывания, обескровления, обесцвечивания «оборонческой» стороны тактики. В резолюции сказались обычная боязнь определённых и ярких слов. “Интернационалисты” потерпели поражение. “Интернационализм” в его специфическом и условном смысле одержал победу»²³.

По мнению Потресова, весь ход съезда говорил о том, что «неблагополучно обстоит в нашей партии, что она живёт какой-то ненастоящей жизнью и что подлинной жизни в ней нет». Если бы эта подлинная жизнь имела, был убеждён Александр Николаевич, то она «прежде всего отразила бы боль, заботу, властную идею момента и поставила бы перед партией ребром весь клубок проклятых вопросов, именуемый национальной задачей спасения страны, и, в частности, что делать, какую роль взять на себя этой партии, претендующей на представительство от 200 000 человек. Шутка ли сказать – 200 000 человек! Ведь это же сила! Это же целая армия!»²⁴. Тогда вопрос о том, как практически использовать эту армию, «как двинуть её на пользу общего дела в качестве

авангарда, вдохновляющего менее сознательные массы и идущего впереди этих масс, чтобы показать им пример и начать взятие – штурмом или осадой – решение общенациональной задачи», должен был бы встать перед съездом «во всей своей исключительной, всепоглощающей важности и отгеснить другие вопросы»: «Было бы естественно, – отмечал Потресов, – если бы приехавшие на съезд делегаты в этот критический для России период были одержимы навязчивой мыслью, знали “одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть”, если бы они принесли в Петроград из своих провинциальных... углов – свой опыт, свои размышления по данному поводу, свои... прошедшие через синус жизни пожелания, предложения, намерения». Только тогда съезд был бы «действительно встречей, закладывающей фундамент боеспособной партии, тогда он превратился бы подлинно в лабораторию, способную выработать из хаоса перекрещивающихся мнений настоящую директиву-программу для ближайшей практической работы»²⁵.

Но действительность не оправдала таких ожиданий: «Съезд с первых же дней обнаружил, – указывал Потресов, – что в нём не только нет творчества, но что он просто не поспевает за событиями, что и сам он, и решения его являют собою какой-то анахронизм, образ из прошлого, не отвечающий тому, что происходит кругом». Из выступлений провинциальных делегатов стало ясно, что «им, признаться по совести, нечего поведать съезду, что у них ничего на сердце не наболело, что никакой, хотя бы и самой невразумительной, перспективы перед ними не имеется и что всё бремя решения вопроса ложится целиком на плечи петроградских фракционных вождей... и что толща съезда склонна, не мудрствуя лукаво, просто приложить свой штамп к одному из заранее приготовленных рецептов...». В результате вместо большой и ответственной работы по формированию коллективного мнения партии общими усилиями участников съезда его задача упростилась до чрезвычайности и «свелась к состязанию двух-трёх чемпионов фракционно-политической борьбы...»²⁶.

На вопросе о политическом положении страны и задачах социал-демократии, как и на вопросе о войне, полагал Потресов, партийное большинство дало бой так называемым «интернационалистам» и одержало победу: «Но можно сказать, – делал он оговорку, – этим устранением интернационалистской “опасности” и ограничением её содержание победы. Сама же по себе эта победа и дала повод лишь выявить всю безмерную отсталость партийного сознания от тех требований, которые предъявляет ему катастрофическое развитие событий...». Перечитав принятые на съезде резолюции его большинства, можно было убедиться, что «они обе лишь с небольшими изменениями могли быть составлены и несколько месяцев назад и что на самые жгучие вопросы

текущего дня у них нет ответа даже и в виде бледного намёка»: «Так, резолюция о текущем моменте, – писал Потресов, – в сущности, не знает общенациональной задачи, охватывающей все прогрессивные слои буржуазного общества, как и пролетариат, и крестьянство. Задача революции, наоборот, прикреплена целиком к “организованной революционной демократии”... И это в переживаемый нами переломный момент революции, когда со всей очевидностью выяснилась вся недостаточность сил одной революционной демократии для осуществления даже элементарного самосохранения страны». Резолюция даже не намекала на то, что же должна была нести партия в ряды сотен тысяч шедшего за ней пролетариата: «Лозунг национальной задачи, – отмечал Александр Николаевич, – как таковой точно и не существует, точно на ответственность пролетариата и социал-демократии не ложится сейчас, как и на прочих граждан России, безмерная тяжесть защиты страны и государственного строительства...»²⁷.

Но ещё менее благополучно обстояло дело с резолюцией съезда о войне и мире: «Когда всматриваешься в неё, – читаем мы в статье Потресова, – то кажется, что справедливый конец резолюции, в немногих словах говорящий о необходимости сплотиться пролетариату и демократии для отражения “смертельного удара, нависшего над революционной Россией”, есть случайная позднейшая вставка, невинная дань “моменту” – падению Риги, и что резолюция во всём своём целом составлялась ещё под звуки той плачевной мелодии борьбы за мир и надежды на европейский пролетариат, которой можно было бы, казалось, замолкнуть сейчас, в эти чёрные дни, когда пролетариат Германии, обмундированный Вильгельмом, совершает свой поход на Петроград, а “Стокгольм” развеян, как дым, исчез, как фата-моргана в пустыне...». Ясно очерченной, конкретной и определённой цели действия, которой должна следовать партия и к чему она обязана была призывать рабочие массы, в обеих резолюциях Потресов не усматривал, в чём и заключался «бледный ужас, выявленный съездом»²⁸.

И предполагал далее, что именно в этом может заключаться причина «той примиренческой сговорчивости, которую, в конечном счёте, обнаружил съезд по отношению к своему “интернационалистскому” меньшинству». Если бы у большинства съезда, считал Потресов, политика текущего дня была бы менее расплывчатой и более тесно сливалась с борьбой за достижение определённых результатов, которые отвергались политикой меньшинства, тогда разговор с этим меньшинством имел бы существенно иную окраску и иные последствия: «Но расплывчатое большинство, – констатировал он с сожалением, – не имеет подобной политики, у него нет той определённости, которая требуется революцией от всех, кто хочет иметь успех, кто желает оказаться на поверхности жизни, и потому оно раскрывает

свои двери – двери партии – интернационализму, и потому оно даже в центральных учреждениях вмещает компанию Мартова». При настоящих условиях, выражал уверенность Потресов, состоявшийся съезд «будет переходом от старой канители к новой, которая будет продолжать тянуться под славным знаменем революционного марксизма до тех пор, пока это разительное несоответствие партийного содержания велениям времени не разразится – в один невесёлый день – катастрофой для партии»²⁹.

Сейчас мы знаем, что это предсказание Потресова было пророческим. Но пока катастрофы ещё не случилось, вместе с единомышленниками он принимал меры для того, чтобы попытаться избежать такого исхода. Один из его тогдашних сподвижников Семён Португейс болезненно отреагировал на содержание принятой 21 августа на Объединительном съезде телеграммы в адрес солдат Северного фронта, которая гласила: «Съезд приветствует армию рабочих и крестьян, мужественно сражающихся под стенами Риги, и призывает армию стойко сопротивляться нападению, сохраняя порядок и организованность. Съезд призывает весь российский пролетариат не поддаваться панике, бдительно следить за тем, чтобы новые неудачи на фронте не были использованы контрреволюцией для травли революционной армии и для покушений на её демократический строй, и приложить все усилия к тому, чтобы армия, неся свои тяжёлые жертвы, знала, что в тылу организованный народ со всей своей энергией борется за скорейшее заключение всеобщего мира»³⁰. Такое распределение ролей между армией и пролетариатом Португейс не считал справедливым: «Армию призывают к тяжёлым жертвам и это конкретно... Пролетариат призывают к борьбе за мир – и это... словеса...»

Как же понять, – задавался вопросом он, – это чудовищное разделение труда: ты сражайся и умирай, а я буду бороться с контрреволюцией и за мир?

Какой это грустный... и жестокий привет потрясённой армии!». Если бы съезд, считал Португейс, «был свободен от циммервальдских предрассудков, он, приветствуя армию, сказал бы ей: ты сражаешься за почётный для родины мир и в этой борьбе мы идём тебе на помощь величайшим напряжением нашей трудовой мощи.

Держи крепко в руках своё ружьё, мы крепко держим в руках свой молот. И такой привет, – был убеждён он, – радостно восприняли бы вся армия, вся Россия»³¹.

Отозвался на произошедшее 21 августа взятие Риги германскими войсками и Потресов. Следует отметить, что все опубликованные в «Дне» статьи Александра Николаевича о войне – это «крик души» пламенного патриота революционной России, всем сердцем глубоко переживавшего неудачи её армии. В одной из таких статей, которая была опубликована на следующий день после

падения Риги, мы читаем: «Стране нанесён удар, значение которого невозможно переоценить. Надо иметь мужество его вынести. Надо проявить решимость и, с раною в груди, стиснув губы от боли, спокойно и твёрдо сказать – себе и противнику: борьба продолжится!»

Революционная Россия, как старая легендарная гвардия, умирает, но не сдаётся! Рига пала, но русский народ, сбросивший с себя ярмо деспотизма, ещё на ногах, и пока на ногах, способен совершить тот подвиг освобождения, который от него ждёт демократия всего мира.

Смертельная опасность удесятерит силы. Великий народ России не стекло, которое дробится, а металл, который куётся ударами булата. И настоящий удар, – убеждал читателя Потресов, – выкует в революционной России железную решимость победить, чего бы это ни стоило! Отстоять себя всеми мерами, как бы крайни они ни были! Всё подчинить единой задаче – национальной защите!». Настал момент признать, образно выражался он, что вся Россия «есть осаждённая крепость, что вся Россия – есть фронт. Что тыла не существует и всюду господствует закон последней борьбы, величайшего напряжения коллективной энергии, которая зовётся – общественной дисциплиной. ...

Долой малодушие! – с пафосом восклицал Потресов. – Гоните трусов и трусость! И да здравствует железная дисциплина демократии!

Пусть Рига будет той Нарвой, которая была первым шведским уроком Петру.

Началось с Нарвы, а кончилось – Полтавским боем. Неудавшаяся (может быть, налаженная? – Э. К.) дисциплина демократической страны будет тоже иметь свой Полтавский бой с Вильгельмом и Гинденбургом³². В данном случае предположения Александра Николаевича пророческими, к сожалению, не оказались. Тогдашний глава государства Керенский был политиком другого масштаба, нежели Пётр I. И если умевшего извлекать уроки из поражений Петра Нарва привела к выигранному затем бою под Полтавой, то не умевшего это делать Керенского Рига привела вскоре к проигранному в Петрограде бою с большевиками и эмиграции.

Такой же сильной душевной болью и неподдельным беспокойством за судьбу находившейся тогда у опасной черты России были проникнуты посвящённые корниловщине статьи Потресова и его единомышленников, опубликованные в «Дне» в конце августа – начале сентября 1917 г. Так, в увидевшей свет 29 августа передовой статье редакции «Да не будет этого!» мы читаем: «Корнилов идёт на Петроград. Иными словами, это цензовая Россия идёт на революционную демократию России.

... Перед нами явление большого социального калибра, перед нами восстание одного класса России против другого. Открытое прямое начало гражданской войны». В статье выражалась уверенность в «коллективности режиссуры этого

выступления со стороны широких и влиятельных кругов той части страны, которая находила своё увенчание в IV Государственной Думе», а июльское выступление большевиков в Петрограде по сравнению с корниловщиной называлось «детской и пустой забавой». Движение Корнилова ассоциировалось с началом гражданской войны, то есть с «началом крушения России»: «Ибо Россия, – пояснялось в статье, – три года ведущая войну с внешним врагом, измученная, истощённая, без сил, – не в состоянии вести одновременно войну на двух фронтах – внешнем и внутреннем.

И пусть те, кто посягают сейчас на внутренний мир России, помнят, что они ведут Россию к гибели, что они совершают преступления против России и что на том пути, на который они встали, им самим грозит неотвратимое фиаско даже и в том случае, если бы они одержали мимолётную победу над демократией России». Но даже определение корниловщины, как «восстания одного класса России против другого», не заставило редакцию «Дня» отказаться от убеждения в необходимости объединения усилий буржуазии и представителей революционной демократии ради решения возникших проблем: «Нельзя сейчас вывести государство и народ из тупика, в который его загнала мировая катастрофа, – говорилось в передовице газеты, – если не напрячь всенародных усилий, если не сочетать того, на что способно только демократия, с тем, что может только буржуазия. Всякое спасение в одиночку... есть буйная утопия, есть зловреднейшая из химер, за которую расплачиваться будет всё общество...»³³.

Нужна была «подлинная кооперация» демократии с буржуазией во власти, писал Потресов на следующий день, ибо только она одна могла привести в движение необходимый для спасения России максимум энергии, опыта, знания и силы, ослабить и затушить ту интенсивность вражды, которая разделила тогда две половины России и готовила ей гибель: «Вот почему, – подчёркивал он, – возможная победа Временного Правительства над Корниловым должна иметь своим последствием не столько покорение виновных... сколько заботу о том, чтобы устранить возможность повторения подобных историй, сколько создание атмосферы, в которой бы была немислимой эта гражданская война.

Под Временное Правительство надо подвести, – считал Потресов, – более широкий социальный базис...»³⁴.

В том же номере газеты меньшевик Семён Кливанский резко осудил этот «поступок главнокомандующего», набросивший «огромную чёрную тень на высший командный состав»: «Этому преступлению нет имени, – отмечал он с возмущением, – это огромное народное бедствие.

Перед лицом врага российской армии нанесён удар, по сравнению с которым потеря Риги принимает характер незначительного поражения». Опасаясь негативных последствий произошедше-

го для армии, Кливанский высказал убеждение, что революционной демократии в сложившихся обстоятельствах было «необходимо немедленно принять меры к тому, чтобы пущенные со страшной силой удушающие газы подозрительности и недоверия не отравили все части, необходимо немедленно начать восстанавливать все разрушенные в организме армии Корниловским взрывом ткани, необходимо продолжать начатую работу по восстановлению боеспособности армии». При этом демократии, считал Кливанский, «придётся ограничиться удалением наиболее заражённых частей, перенося центр тяжести в организацию контроля, ставящего высший командный состав на его место, как руководителя боевым организмом армии и лишённого возможности политически властвовать над солдатами»³⁵.

В следующем номере газеты Заславский остановился на личных качествах Корнилова и его способностях военачальника: «Генерал Корнилов не столько авантюрист, сколько плохой верховный главнокомандующий, – подчёркивал он. – Он составил... превосходный план гражданской войны. Но при этом обнаружили политическую ограниченность Корнилова, невежество его и неумение организовать собственные силы. И, если таков бывший вождь армии, таковы его помощники, то что же удивительного в том, что мы терпим поражения... на фронте внешнем? Во всяком случае, своё поражение под Гатчиной наш боевой генерал никак не может свалить на большевиков. Винить надо собственную бездарность»³⁶.

Анализ высказываний Потресова и его единомышленников в ходе заседаний Объединительного съезда РСДРП, в связи с ним и сразу после его окончания, в дни корниловщины, позволяет сделать вывод, что в этот период они последовательно отстаивали «двуединую» позицию по отношению к мировой войне, сочетавшую заботу об участии российского пролетариата в организации обороны страны от внешнего врага с его одновременной борьбой за заключение справедливого демократического мира. Однако следует отметить, что в конкретной обстановке тех дней в область практической политики на первый план была выдвинута оборонческая часть «двуединой» платформы Потресова и его сподвижников, что было связано со складыванием в конце лета – начале осени 1917 г. крайне неблагоприятной для России конъюнктуры на фронтах мировой войны, когда германскими войсками была взята Рига и появилась непосредственная угроза захвата ими революционного Петрограда.

Примечания

¹ См.: Розенталь И. С. А. Н. Потресов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 196; *Он же*. Потресов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 479.

² См.: Тютюкин С. В. *Меньшевизм: Страницы истории*. М., 2002. С. 387, 389, 395–400.

³ *Ненароков А.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // *Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона*. Т. 3. *Меньшевики в 1917 году: от корниловского мятежа до конца декабря. Часть первая. Август – первая декада октября*. М., 1996. С. 14–24.

⁴ См.: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. *Меньшевики в 1917 году: от июльских событий до корниловского мятежа*. М., 1995. С. 302–303.

⁵ Там же. С. 303–305.

⁶ Цит. по: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 310.

⁷ Там же. С. 316.

⁸ *Потресов А. Н.* *Посмертный сборник произведений*. Париж, 1937. С. 252.

⁹ Там же. С. 253.

¹⁰ Там же. С. 254.

¹¹ Там же.

¹² *Потресов А. Н.* *Избранное*. М., 2002. С. 210.

¹³ Там же. С. 211.

¹⁴ *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 177.

¹⁵ Там же. С. 366.

¹⁶ Цит. по: *Драма истории / публ. А. Крушельницкого // Родина*. 1990. № 6. С. 10.

¹⁷ Цит. по: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 363.

¹⁸ *Потресов А. Н.* *Посмертный сборник произведений*. С. 255; *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 353–355.

¹⁹ *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 343, 357–358; *Потресов А. Н.* *Посмертный сборник произведений*. С. 256.

²⁰ *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 358, 377.

²¹ Там же. С. 382.

²² На вечернем заседании Объединительного съезда 25 августа 1917 г. единогласно был принят следующий список членов ЦК РСДРП: от всех фракций – П. Аксельрод; от большинства съезда – И. Церетели, Н. Чхеидзе, А. Чхенкели, Ф. Дан, М. Либер, Л. Хинчук, И. Исув, К. Ермолаев, Б. Горев, Л. Гольдман, П. Колокольников, Ф. Юдин, А. Смирнов (металлист), Г. Батурский, Н. Гарви и С. Зарецкая; от меньшинства съезда – Л. Мартов, А. Мартынов, С. Семковский, Р. Абрамович, Н. Рожков, В. Ежов, Е. Бройдо и В. Яхонтов.

²³ Цит. по: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 566.

²⁴ *Потресов А.* К итогам «объединительного» съезда // *День*. 1917. № 147 (16106). 27 августа. В статье «Съезд партии», опубликованной в журнале «Голос Бунда» за 1917 г. № 3, Заславский уточнял: «Цифра в 200000 членов, представленных на съезде, может лишь с первого взгляда поражать внушительностью своей. По нашему революционному масштабу, когда массы хлынули в организации, когда возможна чуть ли не поголовная организация рабочего класса, эта цифра в сущности не велика. Если вычтеть 60000 организованных рабочих Кавказа и 20000 (приблизительно) идущих за Бундом, то на долю чисто русских, вернее чисто меньшевистских, организаций придётся 120000 организованных членов» (цит. по: *Потресов А.* К итогам «объединительного» съезда. С. 565).

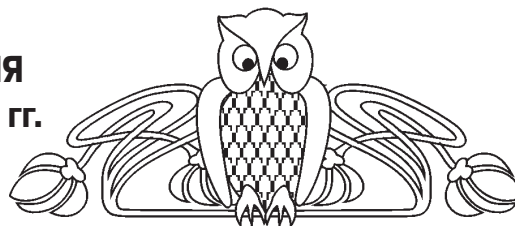
- ²⁵ Потресов А. К итогам «объединительного» съезда // День. 1917. № 147 (16106). 27 августа.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Цит. по: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 436.
- ³¹ Иванович Ст. Привет армии // День. 1917. № 143 (16104). 23 августа.
- ³² Потресов А. Через дисциплину! // День. 1917. № 142 (16103). 22 августа.
- ³³ Там же. № 149 (16108). 29 августа.
- ³⁴ Потресов А. Урок событий // Там же. № 150 (16109). 30 августа.
- ³⁵ Кливанский С. Корниловское восстание и армия // Там же.
- ³⁶ Заславский Д. Корнилов // Там же. № 151 (16110). 31 августа.

УДК 94(47).084

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ 1917–1920-х гг.

Н. В. Шалаева

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Советская власть в революционный период активно развивала праздничную культуру, направленную на формирование в сознании общества «правильного» представления о власти. Но праздничная репрезентативность по своему внешнему выражению и форме была обращена к пролетариату. Вне праздничной культуры осталось городское население не только столиц, но и провинциальных городов, а также крестьянство, ментальности которого не соответствовали пролетарские праздники. Их восприятие праздника было далеко от того желаемого результата, который стремилась получить советская власть.

Ключевые слова: власть, культура, репрезентативность, праздники, пролетариат, крестьянство.

The Formation of the Soviet Festive Culture and Peculiarities of its Perception in the Public Mind in 1917 – 1920th

N. V. Shalaeva

Soviet power was actively developing the festive culture in the revolutionary period which was aimed at the formation in the social consciousness the power's conception. But the festive representation was addressed to the proletariat owing to its external expression and form. The urban population of the capitals and other provincial cities, peasantry whose mentality didn't correspond to the proletarian holidays stayed out of the festive culture. Their holiday's perception was far from the desired result which the soviet power strived to achieve.

Key words: power, culture, representativeness, holidays, proletariat, peasantry.

Особую роль в формировании образов и сценариев власти играли праздники, которые, по точному выражению Ш. Плаггенборга, «можно назвать высшей формой репрезентации, т.к. при их проведении соединяются в одно целое, в ансамбль разные уровни выражения: слово, изображение, движение, инсценировки»¹. Праздники, возникшие как государственный политический заказ, стали механизмом активного вовлечения в уличное действие населения, даже если это

была пассивная форма участия – прохождение в рядах демонстрантов или стороннее наблюдение за шествием колонн манифестантов. По мнению А. Богданова, в праздниках через самовыражение рабочих шел процесс формирования советского коллективного самосознания². А. Луначарский писал в 1920 г., что массовые праздники дают возможность демонстрировать народу собственную душу³.

Как отмечал М. Рольф, «место праздника в обществе обусловлено его многообразными функциями в социальной структуре человеческого общежития»⁴. Власть посредством массовых праздников стремилась реализовать несколько задач как общеполитического, идеологического, так и конкретно-исторического характера. Праздники стали одним из механизмов социокультурной коммуникации, направленной на формирование советской идентичности, событийной сопричастности, «коллективной культурной памяти»⁵, а также явились основой легитимации власти.

Исторически у большевиков не было опыта проведения массовых действий, за исключением демонстраций и манифестаций, которые советская власть берет в основу формирования собственных праздников, соединявших в себе и государственный и партийный характер. Восстанавливая социокультурную и историческую преемственность, советское правительство уже в первый год своего существования обратилось к пролетарским праздникам – 1 Мая и Международному женскому дню, создавая новые (день падения самодержавия, день памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург и др.), возводя их в ранг общегосударственных. Идея отметить 1 Мая в 1918 г. как общегосударственный праздник была сформулирована А. В. Луначарским: «...Но разве не упоительна самая идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим